

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ

Как отмечалось выше, уже **ассоциативная психология** XIX века заложила взгляд на язык как ассоциацию словесных представлений. XX век “знаменуется особым вниманием к ассоциативным системам мозга, которые активно исследуются в морфологическом, нейрофизиологическом и поведенческом аспектах” (1, 3), включая речевое поведение человека. Наиболее ярко в XX веке ассоциативный подход к языку проявился в психолингвистических исследованиях: Ч. Осгуд, Дж. Кэрл, Т. Сибеок, Дж. Миллер, Н. Хомский, Ж. Мелер, Д. Слобин, Дж. Грин, Дж. Диз, Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, А.П. Клименко, А.Е. Супрун и др.

Современная психолингвистика органически входит в систему психологических наук, так как “язык и речевая деятельность участвуют в формировании и функционировании самого... психического отражения, и в процессе опосредования этим отражением жизнедеятельности людей” (15, 20). По определению А.А. Леонтьева, “предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной “образующей” образа мира человека, с другой” (15, 19). Этот интегративный характер современной психолингвистики наиболее ярко воплотился в понятии языковой личности.

Языковая личность, как бы ее ни трактовали различные авторы, включает в себя саму систему определенного языка (или языков), а также ряд постоянных факторов – психо-возрастных, социальных, профессиональных, культурно-исторических. Академик Ю.Н. Караулов выделяет три уровня языковой личности, влияющих на особенности ее вербальных ассоциаций. Первый уровень он называет **вербально-семантическим уровнем**, или лексиконом, который включает в себя и знания грамматики языка. Второй – **лингвокогнитивным уровнем**, или тезаурусом, в котором запечатлена система знаний личности о мире. К третьему уровню он относит **мотивационный уровень**, или прагматикон, отражающий систему целей, мотивов, установок и интенциональностей личности. На практике взаимопроникновение этих уровней оказывается настолько сильным, что границы между ними размываются, теряют свою четкость (13, 238 – 239).

В языке и нервной системе человека закодированы определенные иерархии и уровни опыта. Все уровни взаимосвязаны и оказывают влияние на организацию информации, протекание психических процессов, поведение личности. Процесс и механизм восприятия окружающего мира посредством своих органов чувств носит название **модальности**.

Выделяют зрительную (визуальную), слуховую (аудиальную) и кинестетическую модальности, последняя основана на обонятельно-вкусовых

и телесных ощущениях. Одна из модальностей у человека доминирует, остальные являются сопутствующими. В экстремальных ситуациях человек склонен использовать преимущественно предпочтительную репрезентативную систему, сокращая доступ информации по другим сенсорным каналам.

Существует зависимость между доминирующей модальностью и словами, в которых эта модальность чаще всего выражается. Человек, у которого доминирует зрительное восприятие часто использует такие слова, как *видеть, смотреть, яркий, туманный, отчетливо* и т. д. При доминирующей аудиальной модальности в речи часто встречаются слова *слышать, звучать, скрипеть, кричать, оглушать*, при кинестетической – *шершавый, твердый, мягкий, вкусный, нежный* и т. п.

Единицами вербально-семантического уровня мышления выступают отдельные слова, отношения между которыми охватывают все разнообразие их семантических, грамматических, фонетических, лексических и ассоциативных связей. Совокупность этих связей образует единую **ассоциативно-вербальную сеть**, выступающую в качестве психологической основы владения языком.

По мнению Т.Н. Ушаковой, вербальная сеть составляет основу, на которой происходят закономерные изменения языковых состояний. По мере формирования и развития языка личности в сети “появляются слова, значение которых определяется не через связь с непосредственными впечатлениями, а через связь с другими словами” (22, 149). Организация в виде сети следов словесных раздражителей имеет приспособительное значение, так как в результате развития связей между словесными сигналами образуется новый уровень обобщения и отвлечения с помощью слова. По ходу этих процессов активизируются одни структуры ассоциативно-вербальной сети и тормозятся другие, создаются различные виды “мозаики” активности, формируются синтезы, дифференциации (22, 149).

Т.Н. Ушакова считает, что единым звеном при речевом общении является вербальная сеть (естественная матрица речевого опыта) и возникающая в ней при коммуникации мозаика активности. В процессе коммуникации говорящий передает слушающему паттерн активности своей вербальной сети, возбуждая аналогичный паттерн в вербальной сети слушателя. Эти положения нашли свое экспериментальное подтверждение при исследовании процессов формирования словесных ассоциаций в структурах вербальной сети (22, 149 – 154).

Особенностью ассоциативно-вербальной сети носителя языка является то, что грамматика в ней (следовательно, и в сознании личности) не отделена от лексики, не противопоставлена ей, а “синкретична со словом, разлита, “размазана” по всей сети, рассеяна в аналогических моделях словоформ и словосочетаний, являющихся ее единицами (узлами сети)” (12, 6). Большинство носителей языка не знает грамматики в традиционно-

лингвистическом ее представлении, а оперирует в своей речи моделями словоформ, словосочетаний и предложений, опираясь на закон повторяемости и закон аналогии (12, 6). Структура словесных ассоциаций включает в себя помимо формально-грамматических связей слов и их семантические связи.

А.А. Леонтьев под **ассоциативно-вербальной сетью** понимает стабильную психофизиологическую структуру, фиксирующую значения слов и связей между ними. По его мнению, в основе организации ассоциативно-вербальной сети лежат смысловые и звуковые отношения между словами. Звучащее слово приводит к оживлению у слушающего структуры узла его вербальной сети. При этом в наибольшей мере должны активизироваться структуры нервных связей воздействующего слова, в ослабленной мере другие словесные структуры. Такое совозбуждение вызывает в сознании вместе со словом все его ассоциативные связи – важные, основные, дополнительные (16, 15 – 21).

Дж. Миллер выдвигал шесть гипотез относительно природы ассоциаций и структуры ассоциативно-вербальной сети. Согласно **первой гипотезе**, сила ассоциаций объясняется частотой совместного появления соассоциатов в речи. **Вторая гипотеза** заключается в том, что ассоциативные связи между словами не заучиваются, но возникают в результате наличия у определенной группы слов какого-либо общего признака в разной степени его проявления. Полагают, что ребенок заучивает отдельно слова, а лишь затем осознает ассоциативные связи между ними, если последние возникают. **Третья гипотеза** предполагает, что слово всегда вызывает некий психический образ, причем абстрактное слово ассоциируется с конкретным образом. Так возникают родо-видовые отношения между словами, например, связь *животное – собака*. **В четвертой гипотезе** допускается организация ассоциативных отношений в виде отношений части к целому. **В пятой гипотезе** ассоциативная память представлена группами понятий, которые воплощаются в определенных словах, так называемых семантических маркерах. В простейшем случае применительно к существительным маркеры выглядят следующим образом:

- имена собственные (+) – имена нарицательные (-)
- одушевленные (+) – неодушевленные (-)
- исчисляемые (+) – неисчисляемые (-) и т.д.

И, наконец, **шестая гипотеза** базируется на том, что ассоциируемые слова часто входят в предикатные отношения: А есть В; А имеет В и т.п. (17, 25 – 28).

Все шесть гипотез свидетельствуют о том, что отношения между словами заключаются в распределении различных ассоциаций, совокупность которых и образует ассоциативно-вербальную сеть, выступающую в качестве психологической основы владения языком.

Литература

1. Ассоциативные системы мозга: Сб. науч. тр. / Под ред. А.С. Батуева. Л., 1985.
2. Белянин В.П. Введение в психолингвистику. М., 1999
3. Введение в нейролингвистику. Учеб.-метод. пособие / Сост. В.В. Кузьмич, О.И. Ревуцкий. Мозырь, 2000.
4. Вундт В. Основы физиологической психологии. СПб., б. г. – Т. 3. – С. 371 – 916.
5. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
6. Гируцкий А.А. Общее языкознание. 3-е изд. Мн., 2003.
7. Гируцкий А.А., Гируцкий И.А. Основы нейролингвистики. Мн., 1998.
8. Гируцкий И.А. Виды словесных ассоциаций // Вести БГПУ, 2000. № 3. – С. 61 – 65.
9. Гируцкі І.А. Псіхалагічныя асаблівасці моўнага мыслення і яго спецыфіка ў дзяцей з першаснай інтэлектуальнай недастатковасцю // Весці БДПУ, 2001. № 4. – С. 50 – 54.
10. Залевская А.А. Межкультурный аспект проблемы ассоциаций // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. – С. 46 – 52.
11. Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч. 1.
12. Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // ВЯ, 1992. № 6. С. 5 – 18.
13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Отв. Ред. Д.Н. Шмелев. М., 1987.
14. Клименко А.П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Мн., 1980.
15. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
16. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
17. Любимов Ю.Р. Природа ассоциации: структура словесной памяти и понятие ассоциативного значения // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. – С. 25 – 28.
18. Наумова Т.А. Ассоциации и проблема целого высказывания // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. – С. 37 – 45.
19. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика / Под общ. ред. и предисл. А.А. Леонтьева. М., 1976.
20. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
21. Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. Мн., 1996.
22. Ушакова Т.Н. Проблема внутренней речи в психологии и психофизиологии // Психологический журнал, 1980. Т.1. № 4. – С. 145 – 153.
23. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001.
24. Хьюбел Д. Глаз, мозг, зрение. М., 1990.